

Стенограмма Круглого стола: «Судебная реформа в КР»

Стенограмма Круглого стола: «Судебная реформа в КР»

26.12.2011

21 декабря в Институте общественной политики прошел Круглый стол на тему: «Судебная реформа в КР».

Модератор: Шерадил Бактыгулов, эксперт по государственному управлению

Спикеры:

Чолпон Джакупова, директор ПК «Адилет»

Шамарал Майчиев, эксперт по правовым вопросам

Жанторо Сатыбалдиев, руководитель Аппарата Президента КР

Мурат Укушов, эксперт по конституционному праву

Участники:

Айжамал Ажибраимова, член Совета по отбору судей

Раннат Айталиева, аспирантка КРСУ

Чолпон Алымбекова, координатор программы NDI по развитию политической активности среди женщин

Азат Алымкулов, студент КНУ

Калида Аманова, представитель ОО «Прогресс через образование»

Сапабек Аргымбаев, представитель ОО «Болуш»

Сапалкан Арипов, представитель Коалиции «За демократию и гражданское общество»

Бактыяр Асанов, студент КНУ

Мавлян Аскарбеков, представитель ОО «Совет Молодежи»

Чолпон Баекова, общественный деятель, Институт стратегического анализа и прогноза при КРСУ

Уларбек Бакырдинов, член ПП «Алаш-Ордо»

Айым Бапанова, секретарь политического отдела
Представительства ЕС в КР

Гульнура Белеева, представитель Коалиции «За демократию и
гражданское общество»

Мергуль Бобукеева, эксперт по идентификации верховенства права
ЕС

Азима Бокошова, студентка КНУ

Кубаныч Борбиев, представитель молодежного крыла ПП
«Республика»

Дильфуза Боронбаева, член Совета по отбору судей

Айганыш Ботбаева, независимый эксперт

Гульмира Давлетбаева, прокурор управления Генпрокуратуры

Феруза Джамашева, и.о. председателя Верховного суда КР

Дастан Джапаров, студент АУПКР

Анарбек Джолбунов, председатель ОО «Начни с себя»

Индира Джолдубаева, заведующая отделом судебной реформы и
законности Аппарата Президента КР

Талант Джумабеков, член ОО «Молодые юристы Кыргызстана»

Жамал Джусупова, член Совета по отбору судей

Азамат Долотов, студент КТУ «Манас»

Бегаим Есенкулова, преподаватель Департамента менеджмента и
бизнес-права АУЦА

Нурсултан Жээренчиев, студент АУПКР

Тамерлан Ибраимов, директор Центра политико-правовых
исследований

Рита Карасартова, представитель ОО «Институт общественного
анализа»

Элдияр Карачалов, генеральный директор ОФ «Кыргыз Нуру»

Чолпон Касымбекова, референт Верховного суда КР

Мелис Кенетаев, студент КТУ «Манас»

Акматбек Кожомкулов, студент КТУ «Манас»

Ольга Коржова, преподаватель КРСУ

Мурат Кошмуратов, руководитель ОФ «Архитектура мира»

Айзада Мотукеева, представитель SBDC consult

Нурипа Муканова, генеральный секретарь АДС КР

Анар Мусабаева, политический аналитик

Эрмек Нурбеков, начальник отделения ГКНБ
Олег Порваткин, юрист ОФ «Кыргыз Нуру»
Улан Рыскелдиев, председатель Наблюдательного Совета Фонда «Сорос-Кыргызстан»
Салтанат Согурбаева, частный адвокат
Перизат Ташиева, студентка КРСУ
Рыспек Шукуралиев, член Совета по отбору судей
Таттуубубу Эргешбаева, студентка КНУ
Чинара Эсенгул, преподаватель КНУ

СМИ:

Умут Акунова, «Биринчи радио»
Каныкей Бакашова, «Биринчи радио»
Кымбат Калыкназарова, НТС
Бермет Мамбетшаева, ИА «Knews»
Альбина Метерова, ИА «КирТаг»
Толкун Наматбаева, ИА «Франс-пресс»
Жумгал Омуралиев, издание «kyrgyznews.com»
Ирина Павлова, ИА «24.kg»
Жыпара Садыкказиева, НТС
Болот Темиров, 5 канал
Анна Яловкина, Интернет-редакция газеты «Вечерний Бишкек»

Шерадил Бактыгулов обозначил тему Круглого стола и представил спикеров.

Чолпон Джакупова: Добрый день. Для начала я хотела бы всех поздравить с наступающим Новым годом, я надеюсь, что 2012 год будет более удачным во всех отношениях, в том числе и в области реформирования судебной системы, и пожелать вам всем и вашим близким всего самого хорошего в новом году.

Я хотела бы предварить свое выступление благодарностью в адрес

Института общественной политики, который так быстро отреагировал. Вообще он всегда реагирует на какие-то изменения и наиболее актуальные темы и, как правило, выставляет на сайт материалы по этому поводу. Но так случилось, что неделю назад я сказала о том, что не знаю, что будет с судебной системой, я ко всем напрашивалась на встречу и говорила, что надо что-то делать, потому что это не может продолжаться до бесконечности.

Я думаю, что один из самых серьезных вызовов, который предстоит разрешить новой администрации президента, это то, что касается окончательного развала судебной системы. В 2012 год мы, к сожалению, входим с ситуацией – пациент еще жив, но ситуация просто катастрофическая. Поэтому спасибо, что IPP так быстро откликнулся на это.

Как вы все помните, в последний раз я взяла на себя жесткие обязательства, я решила переформатировать саму себя. У меня теперь будет минимум критики, а акцент главным образом будет на позитиве. Я в этом качестве себя только-только апробирую, поэтому для меня это будет не совсем обычный формат, и я буду конструктивна, как никогда. Мое выступление будет очень коротким, и, главным образом, оно будет сосредоточено на предложении. Я думаю, что, может быть, мы не знаем некоторые нюансы ситуации, но в целом о том, что судьям и судам сейчас очень плохо, мы знаем. Поэтому главная задача сегодняшнего Круглого стола – быть прагматичными и предлагать меры, которые могут отстоять независимость судебной системы, которые будут способствовать ее сохранению от окончательного развала и окончательной потери. На самом деле ситуация у меня вызывает очень серьезные беспокойства.

В первой части я бы хотела остановиться на тех проблемах, которые привели, как мне кажется, к той ситуации, которую мы

сегодня имеем. Проблем много, но я не буду касаться традиционных проблем, таких как недостаточное финансирование и так далее, потому что это проблемы хронические и стабильные. Я хочу остановиться именно на тех проблемах, которые характерны, как мне кажется, для последних полутора-двух лет.

Что, на мой взгляд, привело к ситуации чрезвычайности. Мне кажется, что уровень политизации судебной и правоохранительной систем стал непозволительно высоким. Я не говорю, что у нас судебная система ранее была более независимая или единая и так далее. У нас всегда была болезнь политизации и зависимости от Белого дома, она всегда присутствовала в большей или меньшей степени. Но сейчас это стало видно воочию, и самые громкие процессы это совершенно явно демонстрируют. Это то, под флагом чего оппозиция все время критиковала Бакиева – избирательность применения права стала неприлично демонстративной, и все последние решения, которые применяются, это четко демонстрируют.

Возьмем, к примеру, дело Азимжана Аскарва. Несмотря на все усилия, и даже давление со стороны международных институтов, предупредительные заявления, ничего не возымело действие. Несмотря на совершенно очевидные свидетельства, в том числе и применения пыток в отношении Азимжана Аскарва, решение было принято.

Возьмем также в пример судебный процесс, который стал процессом века. Мне кажется, что я выйду на пенсию из зала суда по расследованию событий 7 апреля. Это просто ужас, а не процесс. Он стал очевидным фактом того, что это явное нарушение и политизация, не только для юристов, но и для обывателей, далеких от понимания процессуальных норм.

Рассмотрение дела по ДТП с участием сына мэра.

Как принималась мера пресечения по делу Дунганова, это отдельная песня, потому что я впервые встречаюсь с тем, чтобы судья в постановлении суда писал, что он выносит решение об отказе в изменении меры пресечения не на основании законов, а из-за того, что если он примет решение на основании закона, это вызовет общественный резонанс. Это нонсенс, и это письменно записывается.

Ну и, наконец, дело по мере пресечения в отношении Суталинова. Мало того, что он сам явился на суд, но в стенах Жогорку Кенеша поднялась «истерика» по поводу того, как и почему его освободили. У судьи была возможность понимать, что он должен применять меру пресечения на основании закона. В отношении гражданина страны, который добровольно является в суд, заявляя при этом: «Я верю, что наш суд – самый справедливый суд в мире», избирается мера пресечения за незаконное пересечение границы. Как такую меру можно избрать при том, что нет фактов нарушений и нет доказательств. Объясню для не юристов, кто-то следит за моей квартирой, а потом я незаметно для него проникаю в собственную квартиру, затем ко мне вваливаются и меня арестовывают за то, что я, видите ли, незаметно вошла, это нонсенс.

Почему я сейчас очень сильно обеспокоена ситуацией, потому что я никогда не консультировала такое количество наших граждан на предмет получения убежища в других странах. Мы видим только верхушку айсберга, потому что это громкие дела, а ко мне приходят десятки людей среднего звена. У меня такое впечатление, что у нас в Уголовном кодексе появилась новая статья – подозрение в аффилированности с семьей Бакиева, и на этом основании можно отобрать и собственность, и все что

угодно, и с работы уволить.

Вторая проблема – это тотальное попрание принципов верховенства законов. Потому что эта традиция была установлена, к сожалению, Временным правительством. Когда ныне действующий генеральный прокурор была министром юстиции, на запрос относительно законности декретов как нормативно-правовых актов она дала такое заключение, которое мало вяжется и с законом, и с логикой.

Что означает верховенство закона – это верховенство Конституции, особая процедура принятия законов и обязательное соответствие всех нормативно-правовых документов закону, а также это конституционный надзор. Конституционный надзор – это отдельная печальная песня, потому что то, что сделали с Конституционным судом не только тогда, когда его разогнали, а когда его поместили под Верховный суд, это ненормально.

Третья проблема – это некачественное законодательство. Мне кажется, что проблема, которую мы сейчас имеем, сложилась из-за отвратительной работы наших уважаемых депутатов, которые написали Конституцию, конституционные законы таким образом, а теперь целая ветвь власти находится в зависшем состоянии из-за этого некачественного закона. Но от того, что мы будем это констатировать до бесконечности, ситуация не изменится. К сожалению, ситуация такова, что сегодня, как оказалось, нет правовых способов разрешения этих проблем, мы никак не можем вернуться в конституционное поле, потому что сроки, процедуры будут нарушены. Если мы уже вышли из этого состояния, мы не можем никак войти.

Совершенно очевидно, что придется принимать меры, которые будут носить не столько правовой, сколько политический характер. При принятии политических решений есть большая угроза, что это будет вызывать шквал недовольства, и он будет обоснованным, потому что все эти меры не будут соответствовать Конституции или нормам конституционного закона.

Поэтому я думаю, что наша сегодняшняя основная задача – разделить вместе с администрацией, взвалить на себя часть ответственности и, может быть, помочь им выкарабкаться из этой ситуации для того, чтобы поддержать их, если это желание будет искренним, сохранить независимую судебную систему. Постольку поскольку это будут опять же меры политического характера, а не правового, мне кажется, что единственным способом создания такого механизма принятия политических мер, которые соразделяют ответственность вместе с администрацией, – это создание некоего органа, где путем общественной дискуссии будет достигнут консенсус и по каким-то, может быть, делам, и по принятию решений.

Я предлагаю в качестве одного из механизмов создание Общественной палаты при президенте, куда войдут люди, которые будут принимать решения. В противном случае Администрация Президента будет подвергаться очень жесткой обструкции. Я не знаю, как сейчас Совет по отбору судей выдерживает неприличное давление со всех сторон, со стороны общественных объединений, со стороны депутатских фракций, но в результате они не могут нормально, полноценно функционировать.

Я надеюсь, что вы, как председатель Совета, дадите нам четкую, исчерпывающую информацию о том, почему Советом до сих пор не объявлен конкурс на вакантные места судей, почему создалась такая ненормальная ситуация: места вакантны, а конкурс не

объявлен. Я предлагаю создание такого механизма, где мы можем обсуждать и принимать решения.

Мне кажется, что в любом случае необходимы меры срочного характера: необходимо объявить конкурс на вакантные должности судей; необходимо вносить изменения в Закон о Совете по отбору судей.

Мне кажется, что невозможно ставить очень высокую планку в отношении судейского корпуса, и прокурорские сотрудники нуждаются в реорганизации. Почему собственно у нас есть Совет по отбору судей, он подконтрольный и прозрачный. Какими у нас стали органы прокуратуры? Контора по трудоустройству детей высокопоставленных чиновников – это Министерство иностранных дел и Генеральная прокуратура. Все эти дети только там, то есть дети простых людей, отличники и прочие, не могут сейчас туда попасть. Поэтому я предлагаю в органах прокуратуры создавать под бдительным оком общественности такой же совет по отбору, как и Совет по отбору судей.

Следующая мера, наверное, она будет непопулярной, но я предлагаю законодательное закрепление квоты для представителей нацменьшинств – не менее 40 процентов в органы прокуратуры и судебной системы. Мы никогда не переживем наше землячество, клановость. У нас «кыргызчылык» сидит на уровне подсознания. Мне кажется, это надо закреплять законодательно.

Мне кажется, что нужно пересмотреть положение о деятельности комиссии по лицензированию адвокатской деятельности при Министерстве юстиции. Сейчас это один из наиболее коррумпированных органов. В этом году лицензия адвоката стала

стоит 2 тысячи долларов – неофициально. Но в прошлом году это была тысяча. Это же ненормально, если молодой адвокат с этого начинает свою деятельность, понятно, по какому пути мы сами толкаем его.

Мне кажется, необходимо реорганизовывать институт омбудсмена.

Для обсуждения всего этого я предлагаю создать Общественную палату при Администрации Президента.

Жанторо Сатыбалдиев: Уважаемые участники Круглого стола, прежде всего, я бы хотел поблагодарить Чолпон Идиновну и Институт общественной политики за быстрый отклик в организации данного Круглого стола. Вопрос, что делать с судебной реформой, наверное, сегодня волнует всех и касается всех. Что делать? Как продвигаться дальше? Войти в конституционное поле – это проблема номер один. Надо найти пути. Может быть, один из путей – это то, что было предложено – Общественная палата, но не при Аппарате Президента. Вообще Общественную палату нужно создать, нам нужно выходить, искать пути.

Как гласит кыргызская пословица «Чымчыкты сойсо да, касапчы сойсун». Многие сидящие здесь, наверное, участвовали в составлении Конституции, реализовывали ее, потом принимали и говорили, что она самая передовая, самая, самая, самая, и мы зашли в тупик. Надо выходить из него. Я от себя, от имени президента могу заявить, что мы готовы к сотрудничеству в любом формате, мы открыты для дискуссии, нас тоже беспокоит, что делать дальше. В течение полутора лет накопилось очень много вопросов, и их надо быстро решать, другого пути нет. Громкие дела, которые были озвучены Чолпон Идиновной, наверное, это вина не только судебной системы, живя в

обществе, мы не можем жить без учета мнения общества, и, наверное, надо находить золотую середину. Со своей стороны Аппарат Президента подготовил ряд законов, которые находятся на рассмотрении Жогорку Кенеша, даст ли он положительный результат, это еще один вопрос. Будет ли принят ряд мер, рекомендованных нами коалиционному большинству по реформированию судебной системы?

Но я еще раз заявляю, что мы готовы к сотрудничеству, мы сегодня будем больше слушать вас, специалистов. Я хотел бы выслушать всех вас и принять решение, что будем делать дальше. А вопрос «что делать?», наверное, стоит ребром. О тех проблемах, которые вы озвучили сегодня, и громких делах, наверное, есть и другие проблемы, мнение общественности, большинства граждан тоже надо учитывать.

Я еще раз призываю вас сегодня хорошо поработать, и, может быть, выработать какие-то первоначальные рекомендации, наметить первые шаги для решения этой проблемы.

Шамарал Майчиев: Уважаемые участники Круглого стола, я постараюсь уложиться в тот регламент, который отведен, и высказать свое мнение по судебной реформе. Так как ранее приходилось участвовать на таких Круглых столах, я, прежде всего, хотел бы обратить внимание на то, что всегда стоит вопрос, в чьих интересах будет осуществляться судебная реформа? Судебная власть как исполнительная и законодательная власть должна обслуживать общество. Государство – это инструмент для обслуживания общества, поэтому, прежде всего, эти реформы должны идти в интересах общества. Сегодня очень важно поднять вопрос об инструментах, измерении и оценке этих реформ. Мы об этом говорили 10 лет назад, в 1992 году, и каждый раз мы говорим об одном и том же, но при этом, где мы находимся? Каковы результаты предыдущих реформ, это не

изучается. Постоянно говорится о том, что нужно реформировать, и реформированию нет предела.

Недавно я выступал в одном обществе, и там один иностранец сказал: «Вам нужно выбрать фокус, нужно выбрать основную проблему и ее разрешить. Если вы будете строить дом, и у вас ничего нет, то вам сложно класть фундамент, стены и крыть крышу. Поэтому нужно решить одну проблему, и эту проблему найти». Так как я уже сказал, что судебная система – это такая же государственная услуга по разрешению споров, мне кажется, необходимо выработать стандарты качества предоставляемых услуг. То есть вначале этих стандартов будет несколько, но потом их будет все больше и больше.

На сегодня самая актуальная проблема – это прозрачность, стандартизация требований к решениям суда. Самый важный вопрос, чтобы избежать избирательного применения права, нужно наладить единую практику, а чтобы наладить единую практику, нужно вернуться к инструментам оценки.

Мы еще в бытность Бакиева от Института конституционной политики Нурлана Садыкова и при участии других организаций выпустили брошюру, в которой я представил 10 кейсов из судебной практики правительства, которые все туда вошли. Я приведу один пример: решением суда акционеры были лишены права голосовать на собраниях акционеров, то есть был наложен полный запрет. Тем самым те акционеры, которые имели 30 процентов, стали иметь сто процентов, сменили всех руководителей организации, совет директоров. Это дошло до Верховного суда, который сказал, что это правильно, запрет можно накладывать вплоть до исключения из голосования, и даже если останется один акционер, то будет стопроцентный кворум. Недавно мы подали ходатайство на тех же акционеров, и дошли вплоть до

Верховного суда. Было принято другое решение о том, что накладывать запрет на голосование незаконно. Теперь простой гражданин, акционер не может вернуться к уровню 2007 года, потому что сроки давности прошли, многомиллионную организацию забрали. Это противоречивая судебная практика, которая влечет за собой огромные потери для граждан, для организаций. Это практика, которая есть на сегодня.

Самая большая проблема – это монополизм. На сегодня стороны вынуждены обращаться исключительно только в суды для разрешения своих споров. Недавно я участвовал в Круглом столе в Санкт-Петербурге, и там не только российские ученые, но и представители от судов поднимали вопрос о том, что нужно повышать госпошлины в судах. Зачем? Чтобы дороже было судиться. Но одновременно в законодательство активно вводится медиаторство и критическое разбирательство. Чтобы у гражданина был выбор, он может пойти в суд, он может пойти к посреднику-медиатору, который разрешит спор, и разрешение спора медиатором является окончательным решением. Он потом обращается только к исполнителю и все, либо он обращается в третейский суд. Но на сегодня все вынуждены обращаться исключительно только в суд. Тем более, сейчас пошлину уменьшили и оплату пошлины сделали после. Однако мне кажется, надо немедленно возвращать оплату вперед. Оплата пошлины после процесса приводит к тому, что те неимущие граждане, которые не набрали на спор денег, проигрывают, но могут и выиграть, но когда проигрывают, они дважды становятся наказуемыми, потому что им нужно платить еще и пошлину. Это то, что касается монополизма в судебной системе.

Состязательность. Есть инквизиционная система рассмотрения и состязательная. У нас применяется принцип состязательности. Но на практике состязательность не работает. Особенно, если требуется доследование и возврат дел, тогда судья должен

просто выпустить подсудимого, если следствие плохо поработало. А вот следователей прокуратуры, которые плохо поработали, нужно наказывать. Сегодня получается такая картина, что когда в суд неоднократно возвращают дело, суд дает сигнал обществу, сторонам, «пусть дособерут доказательства, а потом я посажу, а сейчас что-то доказательств не хватает». Принцип должен быть очень простым. К моменту передачи дела в суд есть доказательства, вот на этом объеме нужно разрешать.

И последнее. Это, может быть, касается отбора судей. Недавно мы встречались с экспертами из Эстонии, Литвы, Дании, России. В Эстонии самой по себе замены судей не было, но мне понравился один принцип, который там действует. Это привлечение к ответственности судей. Оперативная разработка судьи проводится все время, и даже следствие можно довести до конца, но только в момент передачи материала в суд берут разрешение у Совета судей. А сегодня у нас система такая, что если заведомо брать разрешение, взять под стражу и прочее, какой бы орган это не осуществлял, тогда уже все будут знать, что на этого судью идет оперативная разработка. То есть нужен такой механизм, когда он абсолютно независим.

В последнее время постоянно говорят, что нужна стопроцентная замена судей, но будь это 80 процентов, 60 процентов, проблема не в процентах, самое важное, чтобы после качественного отбора судей в процессе работы был механизм привлечения к ответственности, а иначе стопроцентная замена приведет к тому, что когда попадают в ту же инфраструктуру, приходят к тому же самому.

Я завершу тем, с чего начал. Очень важно начинать разрабатывать стандарты качества предоставляемых судебных услуг, и через эти стандарты измерять работу суда. Мы говорим,

что плохо работают, что-то натворили, мы даже не знаем процент коррупционных дел, может быть, он составляет 3 процента, может быть, 10 процентов, а может и 40. Работу суда, процент коррупционных дел можно определить через индикаторы и через стандарты. Необходимо также ввести измерение работы Совета судей, Совета по отбору судей и самой судебной системы. А флагманом судебной реформы, я считаю, должен быть Совет судей, но его нужно обновлять, задавать новые стандарты.

Мурат Укушов: Во время своего выступления я попытаюсь кратко ознакомить уважаемых участников с проблемами, которые стоят перед судебной системой, поскольку так получилось, что в свое время с середины 90-х годов я занимался этим вопросом вплотную и до сих пор продолжаю заниматься.

Когда слушаешь выступления наших уважаемых депутатов ЖК, представителей госструктур и гражданского сектора в СМИ, создается впечатление, что мы только начинаем последние четыре месяца заниматься судебной реформой с того момента, как Жогорку Кенеш принял законы, которые привели судебную ветвь власти к тупиковой ситуации. На самом деле реформы уже идут два десятилетия, они начались летом 1994 года и продолжаются по сей день. Реформы можно разделить на три этапа: 1) 1994 – 2004; 2) 2005 – 2009 и третье, вновь избранный глава государства отметил, что основным направлением своей деятельности, в том числе, он видит продолжение проведения судебных реформ и преодоление кризисной ситуации.

Я сейчас отмечу три элемента кризиса судебной ветви власти, которые есть на сегодняшний день. Первый элемент кризиса – кризис доверия к суду. 10 лет тому назад первый президент, выступая на третьем съезде судей, заявил о том, что судам не доверяют 80 процентов наших граждан. Он не с потолка взял эту цифру, а было проведено специальное исследование одной

международной организацией, которая работает в Кыргызстане, которая и вычислила этот процент. Сегодня гражданское общество говорит, что этот процент намного выше.

Второй элемент кризиса. Дело в том, что своими действиями отдельные ветви власти, в том числе, к сожалению, гражданское общество, привели к тому, что у нас появился интересный элемент – это кризис доверия самой судебной системы и судей к другим ветвям государственной власти, в частности, по вопросу соблюдения Конституции и конституционных законов «О статусе судей КР». Этот элемент имеет место, потому что не в рамках правового поля был распущен Конституционный суд, были освобождены судьи Верховного суда, судьи местных судов и так далее, судьи тоже не доверяют другим ветвям власти.

Самый опасный элемент кризиса судебной ветви власти, как я полагаю, это падение уровня общественного правосознания. Возросшее недоверие к судам и к их решениям, недовольство тем, как судебная система функционировала последние 5-7 лет, привели к тому, что общественное сознание начинает рождать идеи, направленные против судебной ветви власти, против всеобщих принципов правосудия, и оказывает давление на суды, это так называемое давление толпы на суд. Это давление, на мой взгляд, опаснее, чем в советское время такое понятие, как «телефонное право».

Наша беда в том, что за два десятилетия судебной реформы мы так и не удосужились, и это невозможно понять, почему у государства до сих пор нет идеологии проведения судебной реформы. Чего хотим, как хотим добиться, в какие сроки, что мы должны сделать? Никто не может объяснить. Например, эти законы приняли, наши уважаемые депутаты говорят, что это судебные реформы, но никто толком не объясняет, чего мы хотим добиться

принятием этих законов. У нас нет концепции или идеологии проведения судебной реформы.

Если мы посмотрим на наших соседей, то в Казахстане судебная реформа проводится в соответствии с государственной правовой программой, которая была утверждена президентом, где четко, по разделам расписано что, где, когда и как будут добиваться решения тех или иных задач в судебной реформе. Возьмем Беларусь, ругают Лукашенко, авторитарный режим, но что самое интересное – там президент тоже утвердил государственную программу правовой реформы, где также по разделам все расписано, откуда берется финансирование, кто несет ответственность и так далее.

У нас если в первое десятилетие реформ инициатива исходила от Аппарата Президента, то на втором этапе реформ инициатива исходит от Жогорку Кенеша. Как в известной басне, непонятно, куда тянут, линии, по которой мы должны идти и куда должны прийти, до сих пор.

Я полагаю, в первую очередь, чтобы продолжить реформы, надо поставить цели и задачи, как будем добиваться, что мы должны делать, то есть в срочном порядке необходимо разработать идеологию судебной реформы, концепцию президенту. События, которые привели к тупику в ходе судебной реформы, показывают, что парламент, состоявший из нескольких партий и разных идеологических направленностей, не сможет стать локомотивом в судебной реформе, потому что партии тянут в разные стороны, в итоге реформа может «законсервироваться» от влияния на судебную власть различных депутатских фракций от различных политических партий. Нужно создать какой-то единый государственный орган, и, мне кажется, это должен сделать новый президент, поскольку в его программе присутствует раздел

о проведении судебной реформы. Это первое.

Второе. Я полагаю, что необходимо создать что-то вроде палаты или комиссии, но я не считаю, что это должен быть самостоятельный орган, поскольку инициатором реформы будет вновь избранный президент, который должен создать консультативно-совещательный орган с широким участием общественности, представителями некоммерческих организаций, наших правозащитников, чтобы можно было прозрачно разрабатывать концепции и идеологии реформ. Как его назовут, не важно, главное, чтобы в него были включены профессионалы, которые душой болеют за продвижение реформ. Я думаю, нужно расписать, на какой стадии мы находимся, чего мы должны достичь и как, обозначить сроки, финансирование с помощью либо республиканского бюджета, либо доноров, и, самое главное, расписать, кто отвечает за тот или иной раздел. Я полагаю, концепция должна включать в себя не только реформирование судебной системы, но и специальный раздел, связанный с реформой правоохранительных органов. Потому что без реформы правоохранительных органов реформирование процессуального законодательства не может быть успешным, это мы доказали на своем собственном опыте. На самом деле, если посмотреть, что было сделано за прошедшие 17-19 лет реформы, судебная реформа продвинулась намного вперед по сравнению с реформой правоохранительных органов, надо было проводить все параллельно.

Третье. Необходимо реформировать законодательство. Начиная с 2005 года, у нас появилась тенденция нескончаемого потока к поправочным законам Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса и Кодекса об административной ответственности. Судьи местных судов знают, как тяжело работать, так называемый коэффицированный вариант. Надо прекратить кошмар, который творится с Уголовным кодексом и

Уголовно-процессуальным кодексом. Если вы посмотрите на календарный план работников Жогорку Кенеша, вы ахнете. Иногда бывают дни, когда за одно пленарное заседание принимается три закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс. Как так можно? Я учился в советское время, я заканчивал юридический факультет, я помню Уголовный Кодекс, действующий в то время, он не претерпел ни одного изменения. Требуется стабильное законодательство для того, чтобы обеспечить стабильность судебной системы. Поэтому необходимо будет вносить соответствующее изменение, допустим, в Законе «О нормативных правовых актах» есть раздел о подготовке принятия проектов законов, очень жесткие условия для прохождения законов, которые меняют Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс об административной ответственности. Нескончаемый поток законов о внесении изменений и дополнений привел к тому, что мы давно отошли от теории уголовного права, которая не нами была придумана. Кто понимает, тот поймет, наши судьи это понимают, нет стабильности, это надо прекращать.

Теперь конкретно. Что нужно в законах. Я внесу свои предложения, когда палата или комиссия будет работать. Я полагаю, что гражданское общество в данный момент должно поддержать усилия президента по реформированию судебной ветви власти, потому что ему одному будет трудно, ему требуется поддержка гражданского общества. Если поддержите, можете добиться того, чтобы судьи были независимыми, как сказала Чолпон Идиновна, чтобы никто на них не мог влиять, чтобы они выносили решения строго в соответствии с Конституцией и с действующими законами.

Чолпон Джакупова: Прежде чем будут заданы вопросы, я хотела бы добавить, что когда задумывался этот Круглый стол и обсуждался формат, идея была говорить не вообще о судебной реформе. От

слова «реформа» у меня в последнее время оскомины, я боюсь этого слова, потому что это хронически наше стабильное состояние и желание реформировать. Проблема заключается в том, что мы должны сделать, в мерах срочного характера для того, чтобы сохранить как таковую судебную систему, потому что в такой ситуации судебная система не находилась никогда, поэтому она требует срочного вмешательства, речь идет именно о мерах срочного характера, иначе мы на глазах ее теряем.

Мне кажется, надо говорить не вообще о судебной реформе, потому что, например, такие вопросы, как создание классификаторов стандартов, индикаторов изменения качества услуг и так далее, – эта проблема была и пять, и десять лет назад. Речь идет о сегодняшнем дне и о мерах, которые мы можем предложить администрации для того, чтобы они выправили эту ситуацию, мы выпали из конституционного поля, мы должны это очень четко понять, это чревато. Вначале речь идет о легитимности принимаемых решений, уже сейчас стоит вопрос об этом, а следующий шаг – опять мы вернемся в ситуацию «пост-апреля», легитимность власти как таковой, не все их решения нелегитимны.

Мурат Укушов: Здесь сидит уважаемый Шамарал Майчиев, бывший председатель Совета по отбору судей. Я перед началом мероприятия говорил, что сложилась тупиковая ситуация, чтобы помочь президенту, Совет по отбору судей должен принять решение о самороспуске и дать возможность новому главе государства приступить к продвижению совершенствования судебной ветви власти.

Рита Карасартова: Хорошо, что Мурат Каниметович затронул эту тему. Гражданский совет выступал абсолютно против роспуска Совета по отбору судей, и говорить о том, что этот институт должен самораспуститься – это значит дать возможность вновь избранному президенту сформировать «карманный» Совет по отбору

судей. Я считаю, наоборот, этот институт окреп с того момента, как его начали «бить», я считаю, что этот Совет должен продолжать работать, если у кого-то есть претензии персонального характера, то пусть пытаются убрать его в соответствии с законом, то есть мы должны строить судебную систему, основываясь уже на имеющихся законах, не выходя сегодня за рамки правового поля. Мы не можем сказать: «Давайте мы сегодня нарушим закон, разгоним Совет, а с завтрашнего дня мы начнем жить по закону».

У меня есть следующее предложение, и это видение гражданского совета, которое мы отстаиваем с тех самых времен, когда начали поднимать эти вопросы. В Закон «О Совете по отбору судей» и в Закон «О статусе судей КР» вносились изменения, гражданский сектор по итогам проведенных Круглых столов внес изменения, которые даже были вписаны в действующий закон. Что интересно, все незначительные нормы, которые нами были предложены, были включены. Но есть два самых главных аспекта, из-за которых мы за эту норму держались и писали президенту Розе Отунбаевой, чтобы она наложила вето именно из-за этих двух норм.

Как сказал Шамарал Юсупович, на кого должна быть ориентирована судебная реформа, на обычного обывателя, на меня, а я хочу, чтобы суд был независим, чтобы он имел возможность работать на основе действующего законодательства. Тем более, что на сегодняшний день когда нет единой власти, когда она децентрализована, судьи попадают под удар двух сильных сторон, когда с двух сторон будут давить сильные силы, и на кого он должен опираться? Естественно, на закон, и сказать «Я вынес единственно верное законное решение».

Это было придумано не нами, не гражданским обществом – это были рекомендации Киевской конференции по независимости

судебной системы, там пишется так: «В случаях, когда непосредственное назначение судьи находится в полномочиях президента государства (а у нас таких органа два – президент и Жогорку Кенеш), пределы его усмотрения должны быть сведены к кандидатурам, предложенным соответствующим органом. Отказ назначить такого кандидата по процедурным основаниям должен быть мотивирован. В этом случае отборочный орган должен повторно рассмотреть свое решение. Одним из вариантов является предоставление отборочной комиссии права преодолеть президентское вето квалифицированным большинством голосов. Все решения должны приниматься в краткие сроки, установленные законом». В нашем случае у Совета по отбору судей хотят убрать право преодоления вето.

Мы должны понять, что если мы закладываем эту норму, то на сегодняшний день на этапе отбора мы закладываем независимость судебной ветви власти. Если мы сегодня этого добиваемся, все последующее потом будет выравниваться той же работой Совета судей.

На сегодняшний день этот законопроект находится в ЖК, потому что Роза Исаковна наложила на него вето, но было наложено вето не потому, что мы просили, а были абсолютно другие причины, и мы хотим, чтобы к этому законодательству вернулись и были бы заложены рекомендации Киевской конференции.

В случае с президентом, так как он один, он может мотивировать свой ответ. В Жогорку Кенеше, где 120 депутатов при тайном голосовании вообще не будет возможности отследить, кто из депутатов и почему сказал «нет».

Если Совет по отбору судей отбирает кандидатуры и отправляет в ЖК, а там тайно сидят и говорят «нет» или «да», при этом, не обосновывая свой ответ, получится так, что право отбора останется за Жогорку Кенешем, и если ответ будет немотивированным, это самый коррупционный элемент. Человеку, которому захочется стать судьей, необходимо будет договориться с 61 депутатом, поэтому 22 и 19 статья – это те статьи, в которые мы должны заложить принципы независимости судебной ветви власти, я думаю, это одна из первоочередных задач.

Также у нас внедрялась автоматизированная система правосудия, ее нужно срочно запускать, непонятно, почему она перестала работать.

Жумгал Омуралиев: Я одних порядочно утомил, но другие меня еще не знают. Дело в том, что в свое время я прожил достаточно долго за границей, в 2007 году предлагал идеи по судам. Хочу сосредоточить внимание СМИ, особенно кыргызскоязычных на том, чтобы стали обсуждать тему о возможности открытия в Бишкеке Дворца правосудия на площади Ала-Тоо. Я специально писал статью на эту тему, потому что есть две ветви власти, это президент и парламент, судебная власть, это тоже власть, но почему ее нет на площади? Другие страны имеют практику таких институтов. Я не судья, но, глядя со стороны, я болею за них, я знаю, что они не могут говорить, потому что юристы должны молчать, но ситуация для них – как между молотом и наковальней, они хотят работать, но не могут. Мы друг другу не враги, но какую-то общую формулу мы должны найти, иначе можно так прожить еще двадцать лет...

Идея состоит в том, чтобы открыть Дворец правосудия на месте Дома правительства, то есть выселить президента в другое здание. После выборов парламентарии туда вселились, я не знаю, почему так решили, по моему мнению, никого там не должно было

оставаться, должен был быть судейский корпус с судьями, адвокатами и всеми службами. Почему? Потому что было две революции, у людей все мышление замкнуто на политике, с утра до вечера все разговоры о политике. Чтобы повернуть мышление в нужном направлении, следует создать необходимую среду...

При Акаеве по уровню коррупции мы занимали 78 место, при Бакиеве – 168 из 180, сейчас мы находимся в районе 160 места. Надо это менять, парламентаризм должен себя чем-то оправдывать. Я предлагаю представителю власти, Жантору Жолдошевичу, рассмотреть вопрос о возможности учреждения Дворца правосудия. Это даст людям сильный толчок, будет повышаться правовое сознание.

Нужно проработать вопрос о проведении специальных мероприятий на предмет борьбы с коррупционным поведением госслужащих, судейских работников и т.д. Должна быть какая-то санкция, чтобы было какое-то слежение за ними, как делают в США и в других странах. Чиновник должен бояться закона.

Мурат Укушов: Что касается Дворца правосудия, конечно, судейские работники и вообще юристы много раз выезжали за границу, чтобы изучать судебную систему той или иной страны. Там Дворцами правосудия, как правило, принято называть здания, где располагаются суды. В нашем понятии есть районный суд, городской суд, областной суд, Верховный суд и так далее. Вы правы в том плане, что должен быть не один Дворец правосудия, а все здания, помещения, где располагаются наши суды, должны быть Дворцами правосудия. К большому сожалению, за 20 лет реформирования в судебной системе ни одного современного здания, соответствующего требованиям судопроизводства, в Кыргызстане еще не построено. А сколько у нас районных судов?

Если у нас 60 районных судов, у нас должно быть 60 Дворцов правосудия, все это упирается в деньги.

Улан Рыскелдиев: Мне очень нравится выступление Чолпон Идиновны, оно такое позитивное. Я уже не в первый раз слышу о том, что судебные преобразования или судебная система попали в какой-то тупик. В тупик мы попали из благих целей, поскольку мы, принимая Конституцию, были уверены, что это сработает и даст толчок для реформы судебной системы. Мы попали в ловушку, связанную с Советом по отбору судей, и из нее у нас нет выхода. Я предлагаю вернуться назад, может быть, вновь вернуться к Конституционному совещанию. Если это невозможно, то можно предложить то, что предложила Чолпон Идиновна – Общественная палата. Нам нужно снова искать решение выхода из этой ситуации, и очевидно, что это решение, возможно, не будет находиться в рамках той конституционной схемы, которую мы придумали. Но необходимо найти выход, если мы не найдем выхода, который будет устраивать общественность, нам будет очень тяжело двигаться дальше.

Что касается Совета по отбору судей, с одной стороны, конечно, не хотелось бы его полностью менять, но, с другой стороны, как нам быть с фактом, который был озвучен о том, что было одинаковое голосование у группы членов Совета по отбору судей по кандидатурам, и это было зафиксировано в протоколе. Однако до сих пор этот факт не получил оценку самого Совета по отбору судей.

Если на это не дать ответа, то общественность будет всегда относиться с сомнением к решениям такого Совета. Я заметил, что ни парламент не высказался по этому поводу, ни Совет по отбору судей не ответил на эти обвинения, каким-то образом не проявил свою позицию. Мне кажется, то, что попытка Шамарала

уйти с должности председателя, выйти из состава Совета по отбору судей – это просто попытка обратить внимание на то, что эта проблема опять же была заморожена. Мне кажется, что сейчас мы имеем возможность сделать шаг назад, еще раз вернуться к тому моменту, когда мы принимали Конституцию, и посмотреть, есть ли какие-то другие схемы выхода из этой ситуации.

Шамарал Майчиев: По поводу кризиса, коллапса в Законе «О введении в действие Конституции» в статье 8 сказано, что ныне действующие судьи сохраняют свои полномочия до избрания новых, то есть ныне действующий судебный состав легитимен, конституционно легитимен, там так написано.

Теперь, что касается Совета по отбору судей. Избранию Совета по отбору судей предшествовало принятие законов, пятый закон в ноябре вступил в действие. Вот в этом то и была проблема, что пятый закон был самый важный – это Закон «Об утверждении структуры местных судов и штатной численности судей местных судов КР». В этом законе во второй статье прописан порядок избрания судей, сначала конкурсный отбор в Верховный суд, в Конституционную палату, и потом по списку идут местные суды, то есть создание Совета по отбору судей. Пятый закон вступил в действие только в ноябре, и поэтому в силу различных обстоятельств произошла определенная политизация системы, возникла эта проблема, но это еще не коллапс.

Самая ключевая проблема сейчас только в тех судьях, у которых истек срок полномочий. Нужно только эту проблему разрешить, если идти последовательно. Каким образом разрешить? Есть несколько способов – первый способ, который предлагался, просто внести изменение в Закон «О статусе судей» и приостановить прекращение полномочий и как бы продлить их. Хотя смысл вот этой конституционной статьи в том, что

полномочия судей, которые есть, сохраняются до избрания, то есть полномочия продлеваются.

Но самое главное – это вопрос по вакантным должностям, почему мы не объявляли конкурс на их места? На этот вопрос я отвечу следующим образом: общая концепция была такова, что нужно в полном составе заменить судей, но по действующему закону, который был до вступления в силу Закона «Об утверждении структуры местных судов и штатной численности судей местных судов КР» 1 ноября, судья, у которого истекает срок, должен за 60 дней подать заявление. У нас есть такие заявления, но мы оказались перед риском еще большей проблемы. Почему? Могли создаваться второсортные судьи. Первые судьи – это те счастливики, у кого по стечению обстоятельств именно в это время истекает срок полномочий, они подают заявления, и мы решаем, оставить их или не оставить. Если мы принимаем решение оставить этого судью, тогда он вопреки остальным судьям без конкурса остается на своем месте.

Было такое предложение – не оставлять никого, тогда получается, что судья, у которого истекают полномочия, из счастливика превращается в неудачника. Мы их всех «рубим», чтобы провести конкурс, потому что если мы «зарубим», мы будем проводить конкурс, и тогда он наравне со всеми будет проходить конкурс. Чтобы не создавать ситуацию, когда часть судей без конкурса остается на своих местах, а часть судей проходит конкурс, мы издали Закон «Об утверждении структуры местных судов и штатной численности судей местных судов КР», и он вступил в действие в ноябре.

Постоянно говорят, что Совет по отбору судей не работает, это не соответствует истине. Многие понимают под работой Совета по отбору судей непрерывное собеседование с судьями. Но мы

провели собеседование с 29 кандидатами по местным судам и с 24 кандидатами в Конституционную палату. В период отсутствия конкурса, мы собираемся по мере необходимости в соответствии с законом и работаем. Я не буду приводить все решения, у меня есть большой отчет о нашей работе, я приведу в пример только последнее заседание, которое было неделю назад. Это самый важный вопрос, сегодня из-за того, что на вакантные должности не объявили конкурс, получается коллапс. Вот решения, которые мы принимаем: необходимо провести изменения в наше положение о порядке проведения собеседования с кандидатами, отработку оценочного листа с учетом профессионализма, знаний, разработать 15 кейсов по гражданскому праву, разработать вопросы по конституционному праву.

Я привожу эти решения к тому, чтобы показать, что в период между проведением конкурса у нас проходят заседания, мы все эти проблемы обсуждаем. Мы также болеем за судебную систему и поэтому провели встречи с судебским сообществом, адвокатским сообществом, гражданским сообществом, депутатами. Но проблема есть, и вот эту проблему нужно обозначить, и, видимо, нужно принять решение в политической плоскости и каким-то образом применить к вакантным местам, а дальше, я думаю, что будет лучше, чтобы все судьи проходили на свои должности на конкурсной основе.

Чолпон Джакупова: Можно по этому поводу уточнить, это очень важно, это самая важная часть. Я, конечно, извиняюсь, но я заканчивала 61 физико-математическую школу, в этом смысле мы коллеги.

Я просто хочу следовать логике и здравому смыслу. Я всегда считала, что закон – это инструмент политики, это способ выражения концепта тоже. Наши уважаемые идеологи этих

концептов, реформ и так далее, чем они думали, чем руководствовались, когда писали закон, в котором не прописано вот это требование, чтобы все судьи были заменены. В каком законе это написано? Вы говорите, что это красной нитью проходит через концепт. Я говорю: «что такое концепт? Объясните мне!» Концепт – это нечто эфемерное. Я привыкла работать с реальными вещами – это факт, правонарушение, закон, норма. Сегодня вы понимаете концепт вот так, завтра вместо Шамарала Юсуповича придет Данияр Нарынбаев, а он концепт будет трактовать совершенно по-другому, и это нигде не прописано.

Здравый смысл появится тогда, когда люди, которые пишут этот закон, будут руководствоваться просто логикой. Напишите четко, чтобы я по 200 раз не возвращалась к одной и той же норме.

Люди, которые написали закон, приняли, подписали его, я имею в виду депутатов Жогорку Кенеша, разработчиков, фракции, Комитет по конституционному строительству, президента и его администрацию... С кого требовать? Вот эта норма, как вы говорите суть концепта, выпадает из Конституции. Где в Конституции это написано? Ведь весь скандал заключается в том, что вы совершенно непонятным образом написали Конституцию и конституционные нормы.

Шамарал Юсупович, вы говорите: «На самом деле коллапса судебной системы нет, у нас все нормально». А каждодневная моя практика говорит об обратном. Почему сейчас творится такой беспредел в судебной системе? Потому что мы держим судей на крючке на протяжении года с лишним, потому что у нас, то «бульдозер», то «реформатор», а теперь концептуалисты у нас появились. У меня голова кругом идет.

Я хочу защитить судебный корпус от этого бесконечного произвола, потому что мы меняем судей пачками. Я полтора года

назад подавала иск в Генеральную прокуратуру, требовала внесения представления на Розу Исаковну Отунбаеву по поводу того, что она уволила судей Верховного суда, она превысила свои полномочия, но мне, естественно, отказали.

Мы требуем ответственности от судей, но когда-нибудь мы начнем, наконец, предъявлять требования к политикам, которые пишут эти законы. Это же абсолютная ответственность политиков, которые написали законы.

Меня, например, учили так: юрист – это крюкотвор, для него каждая запятая имеет смысл. Покажите мне, в каком документе прописана вот эта ваша идея красная, синяя, зеленая, где вот этот концепт, покажите мне этот документ, чтобы я тоже хоть чуть-чуть начала дружить с вашей логикой. Но этого же нет. Это суть всего того безобразия, которое творится, и суть скандалов в этом заключается. Я не получила все-таки ответ на вопрос, почему конкурс не был объявлен, если закон обязывает объявлять конкурс.

Мавлян Аскарбеков: Я не соглашусь с высказыванием Риты Карасартовой. Мы должны проявить политическую волю, у нас новый президент, новый Аппарат, и мы очень надеемся, что они проявят политическую волю. Надо распустить Совет судей, потому что каждый из нас, сидящих здесь, знает, кто там сидит, чем они занимались во времена Акаева, во времена Бакиева, и то, что они голосовали, входили в коррупционный сговор, и это доказано. Мы это все прекрасно понимаем и, предложив какие-то механизмы, мы хотим проконтролировать, чтобы они работали честно и справедливо. Но этого не будет, поэтому я за роспуск Совета по отбору судей.

Меня интересует вопрос, кто несет ответственность за проведение реформ в судебной системе: президент, правительство, Жогорку Кенеш? Мы четко должны знать, если президент, то пусть он берет ответственность на себя и в течение года либо за полтора года проводит судебную реформу по такому-то сценарию. Либо парламент, если они проводят эту реформу, есть доверие, если не проводят, просим отставки, пусть они уходят. Они не смогли сформировать третью ветвь власти и провести реформу.

Меня также очень интересует ответственность судей. Судебный беспредел, который творился последние двадцать лет судьями, не просто судебный беспредел, не просто правовой беспредел, конституционный беспредел. То увеличивали, то уменьшали права президента, полномочия президента, говорили, соглашались, подписывали все, чтобы остаться в Конституционном или Верховном суде. И эти люди в данное время эксперты, политологи, преподаватели вузов, и никакой ответственности они не несут, хотя именно из-за их действий мы страдаем последние 20 лет. 100 с лишним ребят, которые умерли в апрельских событиях, на их совести...

Этот вопрос будет и к Чолпон Идиновне, и к Жанторо Сатыбалдиеву. Есть небольшой аванс доверия к президенту, совсем небольшой. Но до тех пор, пока наш президент не проявит политическую волю, не проведет судебную реформу в срочном порядке, я за то, чтобы эти 450 судей были отстранены, набраны новые адекватные судьи, проведено обучение и созданы нормальные механизмы работы судебной системы. Только в этом случае мы будем нормально жить, после двух революций мы, в частности, молодежь, больше не хотим жить в судебном и правовом беспределе, поэтому акции протеста будут продолжаться, потому что эти судьи привыкли брать деньги.

Люди приходят в районный суд, если проблема не решается, они идут в городской суд и покупают решение в свою пользу. Это уже аукцион, и все это прекрасно понимают. Будет ли проявлена политическая воля, распустят ли Совет по отбору судей и примете ли вы закон о люстрации судебного корпуса вплоть до последнего судьи?

Дильфуза Боронбаева: Я член Совета по отбору судей от судейского корпуса, я этим горжусь, ни в каких коррумпированных схемах участия не принимала, это конкретно для вас. И вообще члены Совета по отбору судей вне политики. Там есть одна часть от парламентского большинства, одна часть – от парламентского меньшинства и восемь человек в Совете – от судейского корпуса. Я очень ждала выступления Шамарала Юсуповича, я думала, он скажет о тех проблемах, которые у нас есть. Хорошо, что он выступил второй раз и рассказал хотя бы часть проблем, которые у нас есть. На самом деле проблем очень много, и, в первую очередь, мы должны опираться на законность.

Законы, которые были приняты в июне этого года, были далеко не совершенны, и по ним мы работали. Мы постоянно говорили о том, что и вот эти пресловутые 60 дней до формирования Конституционной палаты, вы сами прекрасно понимаете, как можно в эти сроки уложиться, и вот эти 10 дней в соответствии с законом «О статусе судей», в соответствии с законом о «Верховном суде», для проведения отбора судьи Верховного суда. Как можно выбрать судью Верховного суда за 10 дней, учитывая то, что было 115 кандидатур?

Самый главный вопрос, который мы подняли, как только собрались на первое заседание, это вопрос по поводу вакансий, не было вакансий, как можно объявлять конкурс на то, чего нет. Судейский корпус об этом бил во все колокола. Но когда не было

прописано ни в одном законе, ни в Законе «О статусе судей», ни в Законе «О Верховном суде» о том, что надо проводить отбор, единственное, была вот эта норма, пункт восьмой первой статьи Конституции о том, что до окончания срока полномочий судей.

Это то, о чем говорил Шамарал Юсупович. Мы видели Проекты закона «О конституционном статусе судей», и вы, скорее всего, уже видели, в него уже внесли пункт о том, что будет проходить переназначение всего судейского корпуса. Я так поняла, что это воля и руководства, и воля парламента. Но пока этих законов нет, эти законы еще не приняты, они возвращены Советом президента в Жогорку Кенеш.

Мы очень ждали вот этого закона «О внесении изменений и дополнений в Закон КР «О статусе судей КР», но когда мы его получили, мы увидели, что сам законопроект, который прошел все чтения в парламенте и поступил к президенту, содержит грубейшие внутренние противоречия, в том числе и по вето президента, в том числе и по расформированию Совета. В проекте закона, который уже прошел чтение, заложены будущие проблемы. Соответственно, мы не получим разрешения той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день.

Когда говорят о кризисе доверия к судебной ветви власти, я также хочу сказать, что кризис доверия имеется не только к судебной ветви власти, кризис доверия имеется вообще ко всем государственным институтам у нашего народа, учитывая и две наши революции, и все остальное. В этой части я просто хочу сказать, что 29 декабря у судей освобождаются все 79 вакансий, то есть у каждого четвертого судьи кончается срок полномочий. Никогда раньше не было такого, чтобы откладывали процесс в связи с отсутствием состава суда. Сейчас главных судей нет, то есть проблемы в этом тоже есть.

Мурат Кошмуратов: Я, как представитель гражданского общества, полностью поддерживаю Жантора Жолдошевича в том плане, что надо быстрее решать вопрос судебной реформы. Последние события, которые происходят в русле тех судебных решений, которые прошли буквально недавно, я имею в виду судебные решения в отношении сына мэра города Бишкек, решение судей в отношении экс-министра обороны, недавнее решение судьи в отношении главы ГКНБ, представителями гражданского общества воспринимаются болезненно. У меня такой вопрос, есть ли у Аппарата Президента какие-то свои предложения, какие-то свои наметки по изменению в судебной системе?

Жанторо Сатыбалдиев: Это самый, наверное, главный вопрос сегодняшнего дня. Конечно, у президента и наших сотрудников есть политическая воля, мы готовы продвигать реформу. Шамарал Юсупович сказал, что есть определенные трудности, и мы должны их сообща пройти. Молодой человек озвучил чаянья общества, общество волнуют те решения, которые приняты. Даже юристы, которые сидят здесь, друг другу противоречат, а как простому человеку относиться к этим решениям? Поэтому мы хотели бы выслушать вас как экспертов. Что делать дальше?

Политическая воля есть, я еще раз подчеркиваю. Кредит доверия тоже есть.

Сегодня прозвучало хорошее предложение по разработке концепции. Нам необходимо просто сесть, проанализировать то, что было рекомендовано, что мы не сделали. И когда Чолпон Идиновна говорит о конструктивном подходе, она немного перегибает палку в своей критике. Что-то не сделано, да, я понимаю, упущено время, за полтора года столько упущено, у нас накопилось столько нерешенных вопросов. Если честно, мы не успеваем, каждый вопрос сверхсложный, сверхважный. Судебная

реформа застопорилась, остановилась, это очень важно. Мы понимаем, 29 декабря наступает (в этот день истекает срок полномочий 79 судей), позавчерашний инцидент на суде по делу 7 апреля (20 декабря 2011 года председательствующий судья Дамир Онолбеков, оставил обвиняемого Мурата Суталинова под домашним арестом. Не согласившись с таким решением суда, адвокаты и сами потерпевшие демонстративно покинули вчерашнее заседание суда. На решение суда генеральной прокуратурой подана кассационная жалоба. – Прим.ред.) – это была провокация судей, поэтому я еще раз заявляю, у нас есть политическая воля, мы ответим, мы разработаем пошаговые мероприятия, сделаем и доведем. То, что прозвучало об Общественной палате, мы это с вами отработаем.

Сапарбек Аргымбаев: Две революции, два переворота – это вина судей. Я бы не хотел, чтобы эта традиция сохранилась. На сегодняшний день судьи говорят «мы стараемся». Кто им не дает работать по совести? Я, например, по Аламединскому суду знаю, что девять раз одного чиновника местного уровня увольняли, и тот восстанавливался на работу, девять раз дело отправляли на исследование, и судья не принимает решения. Это о чем говорит? А все время пальцем наверх тычут и говорят: «Оттуда». Это первый вопрос.

Второй вопрос: Общественная палата, да, это хорошо. Мы обратно возвращаемся к тому, что происходило при Акаеве и Бакиеве, на третий круг заходим... Кем и как были сформированы предыдущие Общественные палаты, кто туда входил? Это будет самый главный вопрос, Чолпон Идиновна.

Все говорят о позитиве, я тоже буду говорить о позитиве: у нас все будет нормально. Но, прежде чем дойти до этой «нормальности», мы должны говорить о тех критических ситуациях, которые мы на сегодняшний день имеем. К сожалению,

они неутешительны.

Я больше чем уверен, что ближайшие кадровые назначения в правительстве покажут, как события будут развиваться через два, через три месяца. Я благодарен своему народу, что он терпеливо ждет. Но он никогда не согласится с той несправедливостью, которая царит сегодня в обществе. С тем, что повсюду очень богатые бизнесмены приходят к власти. У нас все время получается, что богатые бизнесмены приходят и все делают для своего блага, а не для народа. Далекое не будем ходить: Данияр Усенов – успешный бизнесмен и что он сделал? Мы сейчас пошли тоже по такому кругу. Время покажет, насколько это было правильно.

Вот вы сказали, суд по 7 апреля. Это будет бесконечно. И следствие, я на своем собственном опыте убедился: когда такие «заказы» получают, обычно идет очень плохое следствие. И, как итог, судьи между двух огней: какое решение принять. Тут общественность давит, а следствие очень плохое. Возможно, его вина есть, но следователи провели очень плохую работу, и этот отрезок времени тянется.

Феруза Джамашева: Я хотела бы сказать, уважаемые участники Круглого стола, конечно, высказывается сейчас много мнений о том, что во всех бедах Кыргызстана виноваты мы – судьи. Я хотела бы сказать, что судьи – это часть нашего общества. Судьи не упали откуда-то с другой планеты. Это выходцы из нашего общества, которое мы имеем на сегодняшний день. И, говоря о преобразованиях, о реформах в судебной системе, я абсолютно согласна с тем мнением, что сама по себе судебная реформа, отдельно от других реформ, не даст абсолютно никаких результатов.

Судебная реформа может быть только вкупе с реформами в законодательной деятельности. Надо менять законы, многие законы надо менять изнутри: это и процессуальные законы, и другие. Кроме того, нужно проводить реформу во всей правоохранительной системе. Что творится в органах внутренних дел, в прокуратуре? Я не думаю, что ситуация в судебной системе хуже, чем ситуация в правоохранительных органах. В принципе, работа судебных органов и работа правоохранительных органов – она очень взаимосвязана. Сейчас правильно было сказано, что когда рассматриваются дела, обвиняют только судей: судьи тянут, судьи не так делают, судьи оправдывают и так далее. Вы посмотрите на качество следствия, какие дела приходят в суд? И, действительно, суд находится «между двух огней», «между молотом и наковальней». С одной стороны, общество, которое говорит: «Осудите этих коррупционеров, осудите этих, которые нарушали закон и привели к революции». С другой стороны, судья по материалам дела не может принять какое-то окончательное решение. И таких тупиковых ситуаций много встречается в судебной системе.

И поскольку, я думаю, здесь сегодня в основном собрались юристы, мы должны действовать только по букве закона. Вот был объявлен конкурс на занятие вакантных должностей в Конституционной палате и Верховном суде. Да, я согласна, что Конституционный суд, правильно ли он был расформирован или неправильно, это уже отдельный вопрос. Но, когда объявлялся конкурс, все места в Конституционной палате были вакантны.

В отношении судей Верховного суда, работают судьи, и никто нас не освобождал. И как можно сказать, что наши места были вакантны?

По новой Конституции, давайте посмотрим нашу Конституцию. Там есть основания освобождения судей и основания прекращения их

полномочий. Какие это основания: истечение срока полномочий, на который они были избраны, судьи Верховного суда, это по собственному желанию, то есть заявление пишется по собственному желанию, достижение предельного возраста, признание этого судьи недееспособным либо умершим и так далее. Ни одного из оснований, которые указаны в Конституции и которые указаны в конституционных законах, которые приняты на основании этой Конституции, нет такого основания, что места могут быть признаны вакантными на основании Закона «О введении в действие Конституции».

Анара Дауталиева: И что вы предлагаете?

Феруза Джамашева: Поэтому мы предлагаем объявить конкурс на занятие действительно вакантных мест. Не на все 35 мест в Верховном суде, а на вакантные места. И проведение судебной реформы не значит, что убрать всех судей и заменить их всех новыми.

Сама по себе замена, автоматическая замена старых судей на новых ничего не даст. Реформа должна быть системной, реформа должны быть поэтапной. Поэтому в закон по нашей инициативе тоже, в том числе, внесли обучение претендентов на должности судей. То есть любой человек, прежде чем он становится судьей, проходит специальное обучение и сдает квалификационные экзамены. Это дает нам возможность пополнить судейские ряды именно квалифицированными судьями. Не так, как было до этого, то есть сначала человек назначается судьей, а потом его начинают обучать. И до того, как он пройдет какое-то обучение, он может наломать столько дров... Поэтому и обучение должно проводиться до того, как претендент стал судьей.

Кто плохо работает? Обращайтесь, сейчас у нас есть механизм

освобождения недобросовестных судей. Обращайтесь в Совет судей, приводите определенные факты, которые вы говорите, что вы не доверяете этому судье, что этот судья плохо работает. Совет судей обязан будет провести определенное служебное расследование и принять какие-то меры по этому судье. И если место освободится, то давайте заменять, ставить на их места уже квалифицированные, готовые, обученные кадры, обученных судей. Это одна из составляющих судебной реформы, которую мы предлагаем.

Вторая составляющая – это открытость и прозрачность, мы сейчас к этому идем. Да, действительно, в законах уже прописано автоматическое распределение дел, чтобы у людей не было никаких сомнений в том, что председатель заинтересован, он дает дело какому-то определенному судье, и судья выносит соответствующее «нужное» решение.

Давайте мы перейдем к автоматическому распределению дел, условия для этого уже созданы, и если сформируется уже новый состав, вы сейчас знаете о том, что в Верховном суде практически нет нормального руководства, я имею в виду, что все обязанности исполняем мы. Я исполняю обязанности председателя, двое замов тоже исполняют обязанности заместителей председателя, это создает определенные сложности и при той же автоматизированной системе распределения дел, потому что эту систему надо вводить в компьютер. А в компьютер сейчас вводить просто нет смысла, потому что никто не знает, сколько он будет исполнять обязанности.

Если у нас будет определенный срок, определенный заместитель, председатель коллегии, то уже можно говорить об автоматизированном распределении дел. Это, опять же, создание системы судебных решений, единой базы данных, чтобы любой

человек мог войти в эту базу данных и знать, что, допустим, по делам такой-то категории складывается определенная судебная практика. И если какой-то судья выносит другое противоречащее решение, то он может предъявить претензии и сказать: «Судебная практика идет такая, а почему вы выносите такое решение?». То есть это тоже будет способствовать выработке ответственности судьи за принимаемые им решения.

Немаловажной частью судебной реформы является ввод института судебных присяжных, судебных заседателей. Как можно это назвать, я не знаю, но когда один судья рассматривает громкое дело по какому-то убийству, или по другому громкому делу, экономическому, допустим, естественно, у сторон будут складываться определенные сомнения. Даже сейчас, на этом Круглом столе, сидит определенное количество человек, и уже по процессу 7 апреля складываются противоположные мнения. Например, Чолпон Идиновна говорит о том, что суд политизирован, поэтому Суталинова взяли под стражу и так далее. А вторая сторона говорит: «Суд неправильно делает, потому что Суталинова он отпустил и не дает ему меру пресечения в виде содержания под стражей». Такие мнения будут всегда, потому что суд является именно той серединой между обвинением и защитой.

Чолпон Баекова: Я нигде не преподаю. Я являюсь старшим научным сотрудником Института стратегического анализа и прогноза при КРСУ. Я не оправдываюсь, отвечая на публикацию, в которой обвиняли меня, что, якобы, байки рассказываю, выступая перед студентами. Я баек не позволяла себе, и давайте уважительно относиться друг к другу, мы граждане одной страны.

Я сегодня утром прочитала на сайте информационного агентства информацию о том, что коалиционное большинство парламента в своем соглашении указало, что служители Фемиды должны быть

переизбраны и Совет по отбору судей должен быть расширен. Я поставила себе вопрос: почему?

Посмотрела Конституцию, в статье 94 Конституции конкретно урегулировано, что судьи Верховного суда избираются до достижения ими предельного возраста, а в пункте 8 этой же статьи: «Судьи местных судов назначаются президентом, по представлению Совета по отбору судей, в первый раз сроком на пять лет, а в последующем – до достижения предельного возраста». С какой стати нужно переизбирать всех служителей Фемиды, я не поняла. Если законодательный орган принимает какое-то решение или предпринимает какие-то действия, то, наверное, это нужно соотносить с требованиями Конституции. Поскольку в статье 6 Конституции принцип «верховенства Конституции» закреплен, он имеет высшую юридическую силу и имеет прямое действие, никаких оговорок, исключаящих или создающих такие ситуации, в которых они хотят этот вопрос решить, нет.

На основе Конституции должны приниматься вообще все конституционные законы, нормативно-правовые акты. В отношении членов Совета по отбору судей, статьи 7 Закона, я здесь уже посмотрела, там тоже указаны конкретные случаи, когда могут быть прекращены полномочия. И никаких вопросов о том, что он должен быть распущен, тоже не ставится. Поэтому в самой Конституции нет ни слова и о соглашении фракций, которые сегодня входят в коалиционное большинство, а если не считать нужным его заключить, то, как они говорят, это «джентльменское соглашение». Оно должно находиться в рамках соответствия Конституции, независимо от их желаний иметь «ручной» и «послушный» суд, провозгласив публично, что суд все-таки должен быть для нас независимым. Мы все прекрасно знаем, что без независимого суда и без верховенства закона у нас никогда не может быть демократии.

Меня очень тревожит состояние вообще нашей государственности на сегодняшний день. Когда судебная власть практически разрушается и предпринимаются очень активные действия всеми, кто считает, что вроде делают благое дело, а на деле происходят разрушительные действия... На этом, я думаю, нужно остановиться, осознать, что нужно сделать для дальнейшего продвижения вперед. Вообще, в целом, в стране, или чтобы государственность все-таки была укреплена.

Я думаю, нужно все-таки всем умерить свой пыл и всевозможные желания, исходить из интересов нашего государства и остановиться. Дать возможность Совету по отбору судей работать дальше, создать условия. Во-первых, нужно разобраться с вакантными местами: как они образовались, соответствуют ли они Конституции и закону, начиная от тех вещей, которые были приняты в отношении девяти судей и 49 судей в первые дни, сразу после апреля. Об этом вы все прекрасно знаете, я останавливаться не буду. И если действительно это вакансии, которые можно считать конституционными, то тогда, наверное, нужно объявлять конкурс и набирать на эти места через тот механизм, который есть, людей, которые способны быть судьями и отвечать тем требованиям, которые предъявляются законом.

Второе, мне кажется, нужно к Совету по отбору судей относиться с позиции закона, а не превращать это в какую-то лавку. Все, наверное, должны сюда прийти с «защитными карманами» и никаких вопросов, связанных с тем, что кто-то что-то берет или чьи-то интересы реализует, или заинтересованы в чем-то, это все должно быть отброшено в сторону. Без этого эту проблему, конечно, у нас никоим образом мы не сможем решить.

Сейчас у нас складывается критическая ситуация. Поскольку я в судебной системе работала не один день, прекрасно знаю, что 29

декабря вновь должны создаваться вакансии, по которым истекают сроки судей нашей республики, где-то человек 70, наверное. И среди них, вы знаете, что тревожно, что у председательствующего по апрельским событиям Онолбекова тоже кончается срок. И если процесс не закончится 29 декабря, это дело будет поручено другому судье, и получается, что процесс у нас начинается снова. Представьте эту ситуацию, не дай Бог, конечно. Дай Бог, чтобы он решился, все-таки какое-то решение приняли. Какой ажиотаж будет у нас в стране.

Я понимаю состояние потерпевших, я понимаю состояние всех наших граждан, ожидающих результатов этого процесса. Сейчас этот процесс обрастает всевозможными эпитетами: что это не так, что это профанация и так далее.

Мне кажется, здесь нужно согласиться с Муратом Укушовым, что необходимо разработать концепцию. Вы же знаете, Мурат Каниметович, сколько проектов концепции «потонуло» в недрах администрации при прежних президентах. И эти вещи могут иметь дальнейшее продолжение. Это хорошо, что Жанторо Жолдошевич присутствует, я думаю, вот проявление боли – проведение реформ должно начинаться именно с этого.

Я хотела бы тоже высказать мнение об Общественной палате. Это будет просто, мне кажется, опять площадка для разговоров-суждений, а к принятию решений у них никаких инструментов-то не будет.

Поэтому нужно начинать именно с этой Концепции, создать определенный институт для разработки и реализации, который бы взял на себя ответственность и ответил на вопрос: какой должна

быть судебная реформа? В какие периоды, какие вопросы должны быть решены? И какие есть теоретические выкладки, практическая их реализация, в какие периоды они должны «вмещаться» и, может быть, даже конкретные персоны, которые должны отвечать за это. И тогда, наверное, уже можно получить ответ, как мы выходим из этой ситуации, тупиком я бы не назвала, но положение, конечно, не ахти.

Азамат Доолотов: Меня волнует не то, какие судьи и кто туда сядет. Я на самом деле не знаю, кто относится к судебной системе, и с теми, кто работает и принимает решения, я абсолютно не знаком. Если смотреть с гражданской позиции, меня больше волнует, если мы проведем реформу, что изменится? Кто-нибудь оглашал по телевидению, что сократится число таких-то неправильно принятых решений или сократится уровень коррупции в такой-то момент. Просто, прежде чем говорить о том, что реформа будет, надо ее сначала провести, надо поставить. И что от этого изменится?

Я хочу согласиться с тем фактом, что, реформируя одну судебную систему, мы не добьемся справедливости. Потому что правоохранительные органы также работают, также работает прокуратура. И вообще, если в целом смотреть, в стране, то есть две стороны, которые влияют на решение судьи – это прокурор и адвокат.

Как гражданин, я хочу сказать, что адвокатская система в Кыргызской Республике не развита. Потому что социальный уровень жизни в Кыргызстане упал. Проблема заключается в том, что когда человек обращается в суд, ему не хватает ни финансов, ни времени, и тогда адвокат просто не защищает его интересы. Он просто формально присутствует.

Поэтому я хочу предложить следующее. От имени государства создать адвокатскую контору, и создать такой сайт, где будут показывать рейтинг этих адвокатов: какие дела они выиграли, и какие дела они вели вообще. Это будет ресурсным центром. И эти адвокаты должны оплачиваться государством, с окладом в 1000 долларов, чтоб они работали реально. И тогда при выигрыше дел им нужно выдавать бонус. И, мне кажется, это должно сработать. Чтобы человек знал, куда обратиться, с кем имеет дело и кто защищает его позицию. Мне кажется, это важно, чтобы было принято такое важное решение.

Рита Карасартова: Я просто с Ферузой Зулумбековной не согласна как раз по тому моменту, по которому вы, молодой человек, согласились. Если говорить, что не мы единственные такие плохие, посмотрите, что упало доверие ко всей системе, то мы будем очень долго реформировать. По крайней мере, я считаю, что если сегодня мы реформируем правильно судебную систему, то ту же прокуратуру это коснется... Сейчас в гражданский совет приходят дела, спрашивают, что делать, мы говорим: «Подаем в суд на прокуратуру на ее бездействие, подаем в суд на следственные органы». То есть суд – это то, на что мы опираемся, мы можем подать в суд на самого президента, мы должны иметь такое право, если мы считаем, что он нарушает какие-то наши права. В этом смысле: почему судебная ветвь должна быть независима?

Или почему я попросилась во второй раз выступить, как раз-таки для того, чтобы Жанторо Жолдошевичу просто привести один факт. Наверное, он все-таки «туда» донесет.

В сентябре 2011 президентом Розой Отунбаевой в целях координации действий по выработке согласованных подходов по реформированию судебной ветви власти была создана комиссия по вопросам реформирования судебной системы. В нее вошли

представители всех фракций, председатели профильных комитетов ЖК и представители гражданского общества. Но в итоге эта комиссия отдала право отбора судей Жогорку Кенешу и президенту, а интересы гражданского общества не были учтены. В то время как интерес гражданского общества заключался в обеспечении независимости судебной ветви власти. Результатом стало то, что права президента были расширены, а полномочия ЖК не были сужены. Мы же хотели их сузить и вставить в некие рамки, согласно рекомендациям Киевской конференции. Сегодня этот закон находится ЖК, так как президент наложила на него вето.

А согласно ныне действующему закону, который еще не изменен, Совет по отбору судей может преодолеть вето президента. То есть Совет по отбору судей говорит: «Вот подходящий кандидат», а президент говорит: «Нет, этот кандидат не подходит». Тогда Совет по отбору судей говорит: «Нет, мы не признаем ваше вето, ваша мотивация мизерна, это подходящий кандидат, потому что мы отобрали по таким-то критериям». И как раз-таки это право было бы основанием для того, чтобы сказать, что если ты доказываешь Совету по отбору судей свою компетентность, безупречность и тому подобное, там есть несколько стадий отбора, то ни президент, ни Жогорку Кенеш не должны просто говорить «Нет, потому что мне не нравится прическа или глаза».

Одним словом, сегодня это право убрано. На сегодняшний день, если президент говорит «нет», то там пишут: Совет по отбору судей объявляет новый конкурс. То есть мы возвращаемся к тому, от чего произошла проблема.

Поэтому, Жанторо Жолдошевич, примите это во внимание. Гражданский совет, мы объединились в некое движение, мы решили так: мы будем бороться с любыми делами, которые происходят в

судебной системе, через гласность. То есть если мы раньше просто принимали жалобы или собирали факты, сегодня мы будем говорить: Нарынбаев сделал то-то, Верховный суд не допускает то-то, Совет судей по вот таким-то фактам просто не признал небезупречность такого-то депутата, такой-то судья выносит такое-то решение. Всех героев сегодня гражданское общество должно знать в лицо.

Насчет того, что молодой человек сказал, что Совет по отбору судей нужно разгонять. Мне как представителю гражданского общества легче проконтролировать деятельность 24 членов Совета по отбору судей и посмотреть, как они прозрачно работают на каждой стадии, чем я буду потом ходить и отслеживать работу 120 закрыто голосующих депутатов. Поэтому пусть лучше мы будем отслеживать работу 24 членов.

Чолпон Баекова: В присутствии председателя гражданского общества я хочу сказать, мы говорим о Конституционной палате, якобы она должна осуществлять конституционный надзор, но ведь не прописаны принципы, по которым, в соответствии с Конституцией, эта палата должна быть сформирована. По статье 64 Конституции «Полномочия президента», статье 74 «Полномочия Жогорку Кенеша» указаны, а о том, что президент предлагает парламенту, и парламент избирает, это не сказано. И, причем, в конце указывается, что и президент, и Жогорку Кенеш выполняют те полномочия, которые предусмотрены самой Конституцией. Я не знаю, как эту ситуацию обходят, и почему президент так обширно вовлекся в процедуру представления судей Конституционной палаты. У нас есть много таких вопросов, на которые нужно пристально смотреть, и если сейчас это не устранять, то в дальнейшем это может просто еще больше усугубить нашу ситуацию.

Жанторо Сатыбалдиев: Вы знаете, по таким вопросам, который

сегодня обсуждался на данном мероприятии, очень сложно найти консенсус между всеми участниками – представителями гражданского общества, юристами и другими людьми.

На этом Круглом столе были даны очень хорошие предложения. Из ваших предложений следует, что необходимо, в первую очередь, начать реализацию специальной комплексной программы или программы действия. Чолпон Турсуновна также отметила здесь очень важные моменты. Нужно вернуться к предыдущим попыткам судебной реформы, в ней, наверное, нет ничего нового. По поводу несоответствий. С июня было принято 5 противоречащих друг другу законов. Если там есть неучтенные вещи, их нужно доработать.

Когда мы в первый раз встретились с Чолпон Идиновной, перед нами стоял вопрос, какие срочные меры нам необходимо предпринять в первый месяц. Здесь я услышал два противоречивых мнения, кто-то говорит, что необходимо в полном составе заменить Совет по отбору судей, кто-то говорит, что этого делать не нужно.

Эта идея не принадлежит ни президенту, ни его Администрации. Оказывается, это вошло в конституционное соглашение, даже для нас это стало новостью.

Наше общество необходимо изменить в лучшую сторону, нам необходимо поменять нашу манеру поведения. Я думаю, что этим мы должны заняться все вместе. Если вы будете постоянно угрожать и говорить, что сейчас холодно, но когда станет теплее – мы вам покажем... Давайте стремиться к развитию вперед. Ведь за 20 лет были и хорошие вещи. Мы как всегда забываем все хорошее и говорим только о плохом. В связи с этим я призываю всех к конструктивизму, давайте создадим рабочий орган, который будет работать в этом направлении.

Также хотелось бы обратиться к гражданскому обществу. Оно у нас разрозненное, у каждого представителя гражданского общества есть свое мнение. И всегда выигрывает та сторона, чьи сторонники преобладают. При этом это не говорит о том, что мнение большинства бывает правильным. Ведь согласитесь, у нас существуют факты, когда принимались неправильные решения. Поэтому прежде, чем обвинять друг друга, давайте начнем совместно работать. И президент и его Администрация готовы к дискуссии по этому вопросу, мы готовы и присутствуем здесь. Я призываю вас работать конструктивно.

Шерадил Бактыгулов подвел итоги Круглого стола и поблагодарил участников.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта «Школа молодых избирателей» при поддержке Представительства Internews Network в Кыргызстане.